

ГРАЖДАНИН РОССИИ — Александр Сергеевич Пушкин

Тамара Белова

Телевизионный проект «Имя России», реализованный в 2008 году, показал стремление наших соотечественников к осмыслению истории страны, опыта государственного строительства. Двенадцать известных фигур русской истории, набравших наибольшее число голосов, стали предметом обсуждения на телевизионном экране. Одни из них создавали наше государство — от великого княжества до российской и советской империй, другие реформировали страну, третьи прославили её ратными подвигами, научной мыслью, духовной мощью, социальными экспериментами. Дюжину имён ограничил формат обсуждения, инсценировавший суд присяжных заседателей, насчитывающий двенадцать человек, в роли которых выступили: митрополит Смоленский и Калининградский, а сегодня Святейший патриарх Кирилл представил великого князя Александра Невского; посол России в Украине В. Черномырдин — Петра I; губернатор Краснодарского края А. Ткачёв — Екатерину Великую; учёный С. Капица — Д.И. Менделеева; народный художник И. Глазунов — Ивана Грозного; председа-

тель Федерального собрания РФ С. Миронов — А.В. Суворова; представитель России в НАТО Д. Рогозин — Ф.М. Достоевского; генеральный секретарь Компартии РФ Г. Зюганов — Ленина, генерал армии В. Варенников — Сталина, историк А. Сахаров — Александра II, поэт Ю. Кублановский — А.С. Пушкина; кинорежиссёр Н. Михалков — П.А. Столыпина. Представляя своего «подзащитного», каждый «присяжный заседатель» подчёркивал значимость его вклада в общественную копилку свершений и ценность для сегодняшней России.

Остановимся на одном из двенадцати имён России — А.С. Пушкине, 210-летний юбилей которого в текущем году отмечает Россия и весь просвещённый мир. С годами наследие великого поэта приобретает всё большее значение для нашей культуры. Его ближайший друг П.А. Плетнёв — поэт, критик, профессор (впоследствии ректор) Петербургского университета сказал: «Природа, кроме поэтического таланта наградила его изумительной памятью и проницательностью», что сказалось на его работах как историка и как общественного деятеля.

Пушкин — историк

Александр Сергеевич в «Автобиографических записках 1826 г.» отмечал всплеск

общественного интереса к отечественной истории в связи с выходом в свет «*Истории Государства Российского*» Н.М. Карамзина. Пушкин пишет: «Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». Поэт отдаёт дань уважения автору: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Критика его состоит в учёном сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников, он их не заменял своевольными догадками... Он везде рассказывал со всей верностью историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что *История Государства Российского* есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека».

После труда Карамзина вышла «*История Русского Народа*» Н. Полевого, в предисловии к первому тому которой автор сообщает: «Утвердительно скажу, что я верно изобразил историю России; я знал подробности событий, я чувствовал их как русский; я был беспристрастен, как гражданин мира...». На что Пушкин откликнулся статьёй, помещённой в «Литературной газете»: «Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачем терять хоть единый голос в свою пользу? Но есть мера всему... Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил, по крайней мере, неискусно, напав на *Историю Государства Российского*, как начал печатать *Историю Русского Народа*. Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее были бы все готовы приветствовать его появление на поприще, ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Уважение к именам, освещённым славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но есть признак ума просвещённого». Возможно, что не только «Хроники» В. Шекспира и труд Н.М. Карамзина, но и «изображение» Н. Полевого подвигнули Александра Сергеевича заняться историей. Вышеупомянутый Плетнёв свидетельствует: «Переехавши в Санкт-Петербург, он до кончины своей постоянно уже жил в нём. Преимущественно занимали его исторические изыскания. Он каждое утро отправлялся в какой-нибудь

архив. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь. Его голова, как хранилище разнообразных сокровищ, полна была материалами для предприятий разного рода».

Верный друг поэта А.И. Тургенев пишет сразу после его кончины: «Вчера мы лишились, лишилась вся Россия и Европа Пушкина ещё и как историка, не завершившего своего труда. Я находил в нём сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине (Второй), редкие, единственные... Никто так не судил русскую новейшую историю: он созрел для неё и знал и отыскивал в известном многое, чего другие не заметили».

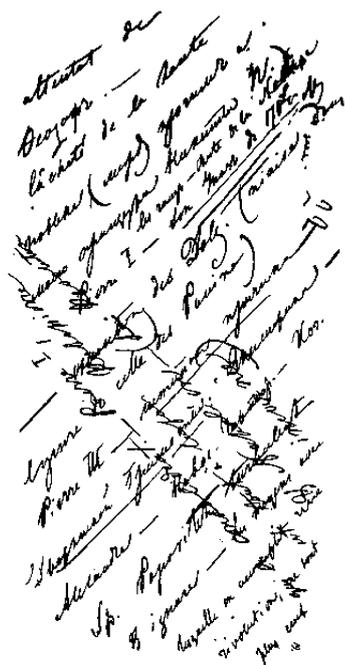
Обратимся непосредственно к работе А.С. Пушкина над «Историей Петра». Им были собраны «Подготовительные тексты», свидетельствующие о жизни царя, начиная с предзнаменования о зачатом Натальей Кирилловной младенце, который «назовётся Петром,... наследует престол и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не сможет». Собранные поэтом материалы заканчиваются датой 28 января 1725 года, когда «в 6 часов утра Пётр умер на руках Екатерины... 30 января народ допущен к его руке».

Тексты, систематизированные Александром Сергеевичем по годам жизни Петра I (1672–1725), содержат пометки автора. Например, «1721 год. Достоин удивления: разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика (NB. Это внести в *Историю Петра*, обдумав)».

Пушкину не удалось завершить Историю Петра Великого. Незадолго до своей смерти Александр Сергеевич говорил Д.Е. Келлеру: «Одно

из затруднений составить историю Петра I состоит в том, что многие писатели, недоброжелательные ему, представляли разные события в искажённом виде, другие с пристрастием осыпали все его действия похвалами». Пушкин-историк тем самым подчёркивал необходимость критического отношения к многочисленным историческим сочинениям о Петре.

В работе историка он высоко ценил, по его собственным словам, «учёное сличение преданий» и «остроумное изыскание истины». По оценке уже упоминаемого А.И. Тургенева: «В высокой степени он сам одарён был этой способностью. Всё это и дало ему возможность так далеко продвинуть свой исторический труд».

Клочок рукописи А.С. Пушкина (на нём он написал по-французски: «Пётр I — одновременно Робеспьер и Наполеон — воплощение революции»)

По поводу этого труда высказывался и друг поэта Вяземский: «В Пушкине было верное понимание истории. Он не писал бы картин по мерке и объёму рам, заранее изготовленных, как это часто делают новейшие историки».

Александр Сергеевич посвятил специальное исследование Емельяну Пугачёву, предприняв путешествие в районы, когда-то захваченные мятежными событиями, «пользовался некоторыми рукописями, преданиями, свидетельством живых» и подготовил «Историю Пугачёва». Опустим подробности с мест событий, которые описывает Пушкин, и обратимся к выводу

который он делает: «Положение дел было ужасно: губернии Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками разбойников. Закубанские народы зашевелились, возбуждаемые Турцией; даже некоторые из европейских держав думали воспользоваться затруднительным положением, в коем находилась тогда Россия». Завершает своё исследование Пушкин словами: «Кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов». Казнь Пугачёва и его сообщников совершилась в Москве 10 января 1775 года, но «совершенное спокойствие долго ещё не водворялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмирённых губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости и искоряя последние отрасли пресечённого бунта».

В этом историческом исследовании Пушкина, написанном в Болдине 2 ноября 1833 года, обращает на себя внимание одна реплика: «Александр Ильич Бибииков принадлежал к числу замечательнейших лиц екатерининских времён, столь богатых людьми знаменитыми» (курсив мой. — Т.Б.). Сравним с тем, что содержит черновые заметки двадцатитрёхлетнего поэта «О Екатерине II»: «Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведённая на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счёт народа и унизила беспоконное наше дворянство... Её великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало её владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве». В дни своей молодости поэт назвал Екатерину — Тартюф в юбке. Но 34-летний историк уже иначе судит о времени Екатерины.

Так, максимализм молодости с годами сменяется более взвешенным подходом к оценке екатерининской эпохи. И в этом отразился процесс человеческого и творческого созревания, на что обращают внимание в своих воспоминаниях друзья Александра Сергеевича.

Пушкин – общественный деятель

В.А. Жуковский в письме к Сергею Львовичу Пушкину 15 февраля 1837 года пишет: «Я не имел духу писать к тебе, мой бедный Сергей Львович. Что я мог сказать тебе, угнетённый нашим общим несчастьем, которое упало на нас, как обвал, и всех нас раздавило? Нашего Пушкина нет!

Россия лишилась своего любимого национального поэта. Он пропал для неё в ту минуту, когда его созревание совершалось».

Далее Жуковский сообщает: «...Когда все ушли, я сел перед ним и долго смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нём в эту первую минуту смерти... Оно было для меня так ново и так знакомо!... Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видел я выражения той глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскальзывала в нём и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда всё земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина».

На рабочем столе поэта лежал третий номер журнала «Современник». Это было детище последних лет его жизни. Александр Сергеевич успел выпустить три тома. В последнем — его стихи «Из Пиндемонта», его пространная рецензия под заголовком *Джон Теннер* и отрывки из нашумевшей книги «Тридцать лет среди индейцев», в переводе Пушкина.

Эта книга в 1830 году вышла в Нью-Йорке, а затем была переведена на многие европейские языки. Полностью на русском языке она увидела свет только в 1963 году и в неё без изменений вошли отрывки, переведённые в своё время Пушкиным.

В своей статье Пушкин сообщает что «достоверность сих «Записок» не подлежит никакому со-

мнению. Джон Теннер ещё жив; многие особы (между прочим Токвиль, автор славной книги «De la democratie en Amerique»¹) видели его...». Кстати, в «Воспоминаниях современников о Пушкине» Плетнёв отмечает такой факт: «Едва ли кто из наших литераторов успел собрать такую библиотеку, как он.

Не выходило издания почему-либо любопытного, которое бы он не приобретал. Издерживая последние деньги на книги, он сравнивал себя со стекольщиком, которого ремесло заставляет покупать алмазы, хотя на их покупку и богач не всякий решится».

В рецензии Пушкин отмечает: «Эти «Записки» драгоценны во всех отношениях. Они самый полный, и вероятно последний документ бытия народа, коего не останется и следов. Летописи племён безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека; показания простодушные и бесстрастные, они, наконец, будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации (курсив мой. — Т.Б.)».

Далее Пушкин сообщает читателям журнала «Современник» о том, что «Повесть о жизни и приключениях Джона Теннера записал с его слов американский учёный Эдвин Джемс, участвующий в этнографической экспедиции от Питтсбурга до Скалистых гор. В изданном отдельной книгой рассказе Джона он помещает свой комментарий, где политику своего правительства называет «корыстной», направленной на истребление индейцев и захват их земель под прикрытием лицемерных фраз о благе индейцев. «*Наши торжественные*

¹ Демократия в Америке.

обещания звучали достаточно громко, наши филантропические побуждения были весьма благородны, но эгоистическая забота о собственных интересах и удобствах оказалась сильнее. И именно этому мы должны приписать неуклонный упадок и быстрое вымирание индейцев» — такое страстное негодование прозвучало во введении американского учёного Эдвина Джемса к жизнеописанию Джона Теннера.

В своей рецензии Пушкин не упоминает фамилию Джемса, но, несомненно, именно его он оценивает «как глубокий ум», гневные обвинения которого произвели на поэта глубокое впечатление.

Оценивая повествование Теннера с позиций реалистической традиции, Пушкин-критик бросает укор и писателям романтического направления, идеализировавшим дикаря: «Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения».

Александр Сергеевич говорит, что «Записки» раскрыли истинное лицо Америки, которая «спокойно совершает своё поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим её положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решёнными».

Свидетельства очевидца повлияли на отношение Пушкина к Американским штатам: «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предвзятостях, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort)».

Троянский конь по-американски

Обратимся непосредственно к переведённым Александром Сергеевичем отрывкам из книги «Джон Тернер» и его комментариям.

«Дичь становилась редка, толпа наша (отряд охотников с женами и детьми) голодала. На другой день, рано утром, мать разбудила нас, велела обуваться и быть готовым в поход. Потом призвала своего старшего сына и сказала ему: «Сын мой, в нынешнюю ночь я молилась великому духу. Он явился мне в образе человеческого и сказал: «Вы встретите на пути вашем (по такому-то направлению) круглую долину и на долине тропинку: медведь находится на той тропинке».

Комментарий Александра Сергеевича: «Рассказ Теннера, который девятилетним мальчиком был похищен североамериканскими индейцами и, усыновлённый ими, провёл среди них 30 лет, относится к тому времени, когда на Северо-Американских землях разворачивалась эра «капиталистического освоения материка», промысел пушного зверя стал главным занятием охотничьих племён американской тайги. Большую часть года они вели полуголодную, полную опасностей жизнь в зимнем таёжном лесу, заготавливая ценнейшие шкурки, предмет вожделения алчных торговцев, готовые ради них на всякие насилия и преступления не только по отношению к индейцам, но и к своим конкурентам. Жизнь индейца ценилась этими рыцарями наживы не более, чем жизнь «мыслящей собаки», доставлявшей меха».

Молодой человек высмеял мать перед остальными индейцами. Мать «за то его побранила, но не могла уговорить идти на медведя. Совесть в нём не заговорила».

Комментарий Александра Сергеевича: «Главной добродетелью почитается между индейцами храбрость; трус презираем у них наравне с ленивым или слабым

охотником. Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость — главные пороки диких американцев. Искусный стрелок почитается между ними за великого человека».

Поэтому юный Джон стремится научиться стрелять. Пушкин переводит эпизод с обучением: *«Я отроду ещё не стрелял. Мать моя (Нет-но-куа) только что купила бо-чонки пороха. Ободрённый её снисходительностью, я попросил у неё пистолет, чтобы идти в лес стрелять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебе быть охотником». Мне дали заряженный пистолет и сказали, что если удастся застрелить птицу, то дадут ружьё и станут учить охоте.»*

Я взвёл курок и поднял пистолет почти к самому носу; прицелился и выстрелил. В то же время мне послышалось жужжание, подобно свисту брошенного камня; пистолет полетел через мою голову, а голубь лежал под деревом, на котором сидел».

В отличие от старшего брата, который высмеял мать, Джон поступил по-другому: по приметам, описанным матерью, разыскал место, где мог находиться медведь, и с опасными приключениями убил его. Молодой охотник отличился новым подвигом и возвратился в табор, ориентируясь по своим следам.

«Вошёл в шалаш моей матери и, видя, что старуха одна, подошёл к ней и сказал ей на ухо: «Мать! Я убил медведя!» — Точно ли убит? — «Точно». — Она несколько времени глядела на меня неподвижно; потом обняла меня с нежностью и долго ласкала. Пошли за убитым медведем; и как это был ещё первый медведь, то по обычаю индейцев, его пожарили цельного, и все охотники приглашены были съесть его вместе с нами».

Комментарий Александра Сергеевича: «Хотя у звероловов преобладал индивидуальный труд, однако добыча считалась собственностью домохозяйства, а мясо потреблялось сообща, нередко несколькими домохозяйствами. Только взаимная поддержка помогала индейцам выжить. Обычай помогать друг другу в беде широко бытовал во времена Теннера, и в его книге множество тому примеров».

Обратим внимание и на то, что в первобытном обществе наличием нравственных качеств отличаются не все: у старшего брата *«совесть не заговорила»*, а младший — жаждал быть полезным обществу, стремился обрести уважение соплеменников.

Сегодня США демонстрируют те же качества, на которые указывал А.С. Пушкин — неумолимый эгоизм и страсть к комфорту — под видом демократических принципов, как в XIX в. под видом борьбы с «дикостью». Политика якобы бескорыстной доброжелательности и любви США к естественной справедливости была разоблачена ещё в те времена, когда они стремились захватить индейские территории под предлогом облегчить положение индейцев и принести им пользу. Такая политика хорошо согласовывалась и с догмой философов-моралистов, согласно которой тот, кто лучше других умеет пользоваться землёй, должен согнать с неё и лишить собственности владельцев, которые из-за невежества или лени оставили её необработанной. Сегодня, к сожалению, особенности американской политики, на которые указывал ещё А.С. Пушкин, мало изменились.

В контексте материалов о Джоне Тернере становится ещё более понятной позиция А.С. Пушкина, которую он выразил в стихотворении «Из Пиндемонти» опубликованном в том же томе журнала «Современник»:

**Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружилась голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободна ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет
балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова,
слова.**

Эти строки, написанные поэтом в 1836 году, звучат для нас злободневно, имея в виду современных политических лидеров, увлекающихся либеральной риторикой и призывающих к построению демократии на американский манер. Но в каждом государстве есть собственное понимание социальных обязательств, специфические механизмы, обеспечивающие социальные права граждан. Социальные доктрины переплетаются с важнейшими общефилософскими представлениями о естественном праве, правовом государстве, личной и коллективной ответственности, и, наконец, с такими факторами, как влияние религиозных, культурных традиций, исторических предпосылок на социальные отношения.

Пробудить общественное самосознание

Специфика нашей истории во многом определялась тем, что русский народ был менее свободным, чем народы большей части европейских стран. Из школьного курса отечественной литературы нам известно, что другом юности и вдохновителем вольнолюбивых стихов А.С. Пушкина был П.Я. Чаадаев.

В последние годы интерес к чаадаевской теме в стране возрождается. Говорят, что если Пушкин — солнце нашей поэзии, то Чаадаев — солнце нашей философской мысли.

Познакомимся с концепцией России, выдвинутой Чаадаевым в его первом «Философическом письме»: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими, мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого духа на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и истории человеческого духа, приведение его во всё остальном виде к его современному состоянию, на нас не оказали никакого воздействия. Впрочем, то, что издавна составляет самую суть общества и жиз-

ни, для нас ещё только теория и умозрение».

Далее, Чаадаев сравнивает периоды общественных волнений у других народов и у соотечественников.

«У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманного намерения. ...Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. Это увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования и память о нём составляет отраду и поучение их зрелого возраста.

Мы, напротив, не имели ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала — вот печальная история нашей юности...»

На это Пушкин, ознакомившись в рукописном варианте с «Философическим письмом» 1836 года, отвечает Чаадаеву: «Я далеко не во всем согласен с Вами». Он протестует против его пренебрежительного отношения к прошлому России. В частности, ссылается на войны Олега и Святослава, «татарское нашествие — печальное и великое зрелище»; пробуждение России, развитие её могущества, её движение к единству. А «Пётр Великий... один есть целая всемирная история!.. Как, неужели всё это не история, а лишь бледный полузабытый сон?».

Пушкин даёт свою оценку исторического пути России: «Нет сомнений, что схизма (разделение церквей на православие и католичество — Т.Б.) отъединила нас от остальной Европы, и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые её потрясли, но у нас было своё

предназначение. Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяческих помех... Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться».

В своей статье «О втором томе «Истории» Полевого» (1831 г.) Александр Сергеевич высказывает следующую мысль: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой... её история требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада». Пушкин имеет в виду французского историка Гизо, который «объяснил одно из событий христианской истории — европейское просвещение: он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя всё отдалённое, всё постороннее, случайное, доводит до нас сквозь тёмные, кровавые, мятежные, и, наконец, рассветающие века». Такой подход поэт оценивает как «великое достоинство французского историка», но применять его к истории России не советует. Эту мысль о своеобразии России Пушкин развивает и в письме к Чаадаеву. Своё письмо Александр Сергеевич завершает следующими строками: «Вы хорошо сделали, что сказали об этом громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили». Опасения Пушкина в отношении автора «Философического письма», как известно, оказались не напрасными.

В. Белинский в своей последней критической статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» отмечает: «Русская литература есть не туземное, а пересадочное явление. Это обстоятельство даёт особенный характер ей самой и её истории; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него всего внимания, значит, не понять ни самой русской литературы, ни её истории». Далее он рассуждает о растениях разного рода: «Одни растения, будучи перенесены в но-

вый климат и пересажены в новую почву, сохраняют свой прежний вид и свои прежние качества; другие изменяются в том, и в другом, по влиянию на него нового климата и новой почвы». Он сравнивает русскую литературу с растениями второго рода, которая «до Пушкина... была не более чем понятливой и преимчивой ученицей европейской музыки, — и потому все произведения до Пушкина походили на этюды и копии, нежели на свободные произведения самобытного вдохновения».

Аналогия между заимствованием чужого опыта в общественном устройстве и пересадочным характером русской литературы подаёт надежду на то, что и российская общественная мысль созреет и станет способной «на свободные произведения самобытного вдохновения».

Анализируя творчество Пушкина, Белинский пишет: «Не говоря уже об эстетическом достоинстве «Онегина», эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение. В ней Пушкин является не просто поэтом, но и представителем пробудившегося общественного самосознания: заслуга безмерная!».

Историк Карамзин высказал такую мысль: «Государственное правило ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». И Пушкин продолжил эту мысль, сказав: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

В заключение вернусь к проекту «Имя России». На мой взгляд, сделан удачный шаг: современные информационные технологии использованы для пробуждения общественного самосознания. Необходимо продолжить начатое дело, чтобы энергия дел славных предков помогала россиянам найти самостоятельную дорогу в условиях глобализации мира.